

НЕПРОСТИТЕЛЬНО БЛИЗКО

АННА ДИЛАН

18+

Анна Дилан

Непростительно близко

<https://litres.ru/74265314>

SelfPub; 2026

Аннотация

Здесь принцесс не спасают. Здесь ими расплачиваются за чужие долги.

Десять лет назад Каролина потеряла родителей и вместе с ними право задавать вопросы. Теперь её собираются выдать замуж за человека, который давно превратил войну в самый прибыльный бизнес королевства.

Придворный шут Касс привык смеяться над теми, кто считает себя хозяевами мира. Но однажды понимает, что не помнит собственной жизни до появления во дворце. Кто-то украл не только его прошлое, но и право выбирать свою судьбу.

Некоторые тайны меняют не только историю. Они меняют тех, кто осмелился их узнать.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Анна Дилан

Непростительно близко

Глава 1

Касс стоял на террасе, раскинув руки навстречу штормовому ветру, и пытался вспомнить хотя бы одно лицо из своего прошлого.

Не получалось.

Волосы трепали резкие порывы, холод хлестал по щекам, но именно в такие минуты внутри становилось тихо. Свобода наступала, лишь когда он мог снять маску хотя бы на жалкую минуту.

Шут. Клоун. Дурак.

Да как угодно.

Самые страшные сказки начинаются просто: затянутое грозовыми тучами небо роняет первые капли на грешную землю. На его запрокинутое лицо. На раскрытые ладони. Касс кожей чувствовал ледяные укусы стихии.

Мир был восхитительно грязной дрянью.

И всё же у каждого даже в этой дряни находилось прошлое.

Ирма рассказывала, как в детстве лазила через покосившийся забор и воровала румяные яблоки у соседки, старой

ворчливой бабки с огромной родинкой на щеке. Рассказывала и смеялась так звонко, будто до сих пор чувствовала на языке их кислую сладость. Потом, уже тише, добавляла, что дома их было пятеро, денег не хватало даже на хлеб, а в замок её отдали ребёнком — стирать чужие грязные тряпки за пару грошей, лишь бы семья не сдохла с голоду.

Все вокруг знали, кем были раньше.

Даже те, чьё детство было дрянным, как помои в сточной канаве, могли вытащить из него хоть что-нибудь: чьё-то лицо, запах сырого дома, звук материнского окрика. У каждого за спиной тянулась хоть какая-то нитка, ведущая назад.

У Касса такой нитки не было.

Ни яблок. Ни забора. Ни голодной семьи. Ни матери, чьи руки пахли бы мукой или золой. Ни отца. Ни чужого двора. Ни имени, произнесённого с любовью.

Ничего.

Он помнил только замок. Чьи-то грубые пальцы на плече. Колпак с бубенцами, который на него натянули так буднично, словно тот всегда ему принадлежал. И тишину внутри головы.

Понял он это не сразу. А когда понял, не подал виду. Только смотрел, как Ирма выжимает серую тряпку тонкими, покрасневшими от стирки руками и смеётся над своей старой историей, а у него в висках всё громче стучало одно-единственное:

А это вообще нормально?

Теперь, стоя на террасе над блёклыми зелёными лугами, он снова задавал себе тот же вопрос.

Страх нарастал с каждым ударом сердца. Глухо бился под рёбрами, расползался по телу холодом. Касс уставился вдаль, пытаясь собрать себя по кускам, но мысли скользили, не позволяя ухватиться ни за одну.

Под страхом пряталась тревога.

Он не видел собственного будущего. Не помнил прошлого. А настоящее вдруг стало зыбким и ненадёжным, будто в любой миг могло провалиться у него из-под ног.

Дышать становилось труднее. Ориентиры исчезали один за другим. Каменные стены замка медленно сдвигались, сдавливая виски изнутри, и стоило задержать взгляд на одной точке чуть дольше, как мир начинал плыть.

Ещё немного — и он растворится в воздухе. Рассыплется пылью. Исчезнет так тихо, словно его никогда и не было.

Через пару часов ему снова придётся спуститься вниз. Натянуть омерзительную улыбку, которая ложилась на кожу посмертной маской, приклеенной на чужие слюни и намертво вбитой в лицо.

Им смешно только от примитивных площадных шуток. Чем отвратительнее и грязнее слетает с языка пошлость, тем слаще она ложится на слух благородной знати. Касс многое повидал за время службы. Видел, как увешанные золотом лорды сжирали всё со столов, не оставляя даже обглоданной косточки, и обсасывали жирные пальцы. Видел, как, напив-

шись, они покорно отдавались каждому из семи смертных грехов, скуля и совокупляясь в тёмных углах замка.

Ему нравилось наблюдать за муравьиной вознёй в хрустальной сахарнице. Они мнили себя хозяевами жизни, не понимая, что сахар давно отравлен.

Касс опустил руки и медленно открыл глаза, слизывая с губ дождевую каплю.

Какие на вкус губы молоденькой принцессы?

Он не знал. Наверняка слаще персиков и липового мёда, а после оставляют терпкую горечь во рту. Одна мысль об этом сводила челюсти: ему хотелось выпить её досуха.

Ломано приплясывая, Касс ринулся обратно, в удушливую роскошь дворца. Красный бархат алел у окон, поглощая остатки света, а каменные стены и пол давили серой массой на виски.

Нужно бежать, бежать, бежать. Иначе своды сойдутся, раздавив его кости, кишки, селезёнку, лёгкие...

С очередным прыжком напускная бравада исчезла. Все-го-то нужно поправить маску. Вот так. Провести ладонью по лицу сверху вниз — и на нём застынет оскал. Провести обратно — и встретишься с грустным взглядом.

Если у обычного человека в запасе всего пара масок, то у шуток их миллионы. На каждый чёртов день — своя.

Плечи ныли от усталости. От неподъёмного груза собственной лжи и несбыточных надежд. Он не имел права на её руку и поцелуй в тонкую ключицу. Не имел права даже

дышать с ней одним воздухом.

Абсолютно ничего.

— Касс, — раздался за спиной грубый голос, который он узнал бы из тысячи.

Он обернулся.

Ну конечно. Королевский советник Элдон — худощавый, желчный тип в дурацких круглых очках. Он всегда нервно тербил золотую цепочку, прикреплённую к дужке, и перекатывал её звенья между пальцами.

— Господин советник! — Касс распластался в глубоком поклоне, выказывая почтение совершенно не уважаемому им лицу. Натянул улыбку до ушей и посмотрел на старика одним глазом из-под колпака. — Чем могу быть полезен?

— Полезен? — Советник рассмеялся так, что во все стороны полетели слюни.

Свинья. Напыщенный невежда.

— Ты, Касс, бесполезен. Король ждёт. Приём в самом разгаре, а ты снова отлыниваешь от работы, паршивый негодник!

— Уже бегу! Пусть Ваша Светлость не гневается, я всего лишь отлучался припудрить носик, — проговорил он и подмигнул с издевательской ухмылкой.

Советник одарил его надменным взглядом и пошёл дальше.

Очередной непроходимый идиот.

Касс едва сдержался. Гнев огнём разливался по венам и

собирался в кулаках — хотелось вбить их в каменную стену до хруста суставов. Ещё немного, и маска шута треснет, с мясом обнажая другую, куда более мерзкую.

Он влетел в роскошный зал. Взгляд лихорадочно метнулся по присутствующим.

Где она? Где унылое личико, пышная грудь, вызывающе-томный взгляд?

Где принцесса?

Если её здесь не будет, он не сможет держаться. Не сможет играть. Ему необходим её взгляд. Единственный ориентир.

Чёртова зависимость. Ломка.

Во что он превратился?

Но ей он этого никогда не покажет. Ни за что.

Касс отошёл к серой стене, облокотился о холодный камень и выдохнул. Высматривал её среди придворной мрази. Слева танцевали граф и графиня, которая изменяла ему каждую ночь. В углу старая вдова-княжна хлебала вино, пока её внуки поедали пирожные. Младший, кажется Луис, уже весь измазался белым кремом, и щёки у него разгорелись.

Касс глухо фыркнул.

Где же ты, принцесса? Почему прячешься, пока король сидит на троне?

Звонкий смех справа резал слух. Поворачивать голову не требовалось: Касс и так знал, что противной свиньёй заливается одна из знатных дворцовых дам. Виноградная брага

развязывает языки даже самым строптивым сукам.

Скучно и гадко.

Тревога нарастала. Если влюблённость — такая мерзкая вещь, почему её с таким восторгом восхваляют поэты? Трагедия. Им подавай боль, страдания и терновые муки. Зачем воспевать то, что неизбежно завершится крахом?

Он всматривался в танцующую толпу, мысленно высекая из пёстрого месива один-единственный силуэт. Трагическая и до безумия красивая принцесса — самый страшный кошмар для такого, как он.

К горлу подступала тошнота. Он не помнил, когда нормально ел, пил или спал. Когда не рвал на себе волосы, пытаясь забыть обжигающее соприкосновение кожи с кожей в тот единственный раз, когда она случайно его задела.

И ведь за это его не задержали.

Жив. Даже голова цела.

Касс усмехнулся собственной везучести. Опустил взгляд на башмаки, и кривая улыбка сползла с лица. Чем дольше смотришь на шутовской костюм, тем сильнее ненавидишь себя.

Он снова посмотрел на танцующих и наткнулся на серые глаза. Холодные, они впились в него, пригвоздив к стене.

Пришла.

Касс долго смотрел на принцессу. Ему нравилась эта игра: ловить дрожь ресниц, замечать, как щёки наливаются пунцовым, а хрупкие пальцы нервно теребят бархатный подол

платья. Мыслей её он прочесть не мог, но желание покопаться в голове девчонки прожигало сознание.

Чёрт её знает, о чём она думает, глядя на него своими большими глазищами.

Он ухмыльнулся.

Грязный приём для такой же нечестивой принцессы.

Она отвела взгляд, и Касса бросило в дрожь.

Сработало. Щёки уже порозовели.

Только он никак не ожидал, что в ту же минуту она пойдёт к чёрту герцога-прилипалу. Резкий взмах руки, властный жест: «Стой». Герцог остался ни с чем, а она направилась к трону.

Значит, спугнул.

Касс хмыкнул. В гляделки она играть не умела.

— Эй, Ка-а-а-сс! — По залу прокатился надрывный бас.
— Где этот чёртов шут?!

Источник его неминуемой гибели не унимался.

Касс отлип от стены и прошёл сквозь онемевшую толпу.

Ничего, подождёт.

Король ли, шут ли — на коленях всегда тот, кто слишком истошно кричит.

Развязной походкой Касс двинулся к красным коврам, ведущим к трону, словно шёл на казнь.

Толпа покорно расступалась. Он смотрел на придворных одним глазом, ехидно растягивая губы в улыбке, и ловил восхищение вперемешку с презрением на их лицах. На дне рас-

ширенных зрачков плескалась лишь рабская покорность перед королём-тираном.

И только шут мог вывернуть монаршую душонку наизнанку прямо перед всеми.

Касс подошёл вплотную к трону, вызываясь сложил руки на груди, вздёрнул подбородок и выставил вперёд левую ногу.

— К вашим услугам, сир, — произнёс он с ядовитой учтивостью.

Не отрывая взгляда от правителя, Касс с удовольствием заметил мимолётный нервный тик под его веком.

— Мы с моим гостем из дальних земель хотим, чтобы ты тут попрыгал.

Приказ прозвучал грубо, почти как удар. Но слишком широкая улыбка короля выдавала бессильную ярость.

— Как вам угодно, сир, — покорно проговорил Касс.

Он скользнул в поклон и на мгновение задержал взгляд на госте, сидевшем рядом. С виду обыкновенный, ничем не примечательный старикашка в богатых одеждах. Но на его пальце блестела массивная фамильная печатка с гербом.

Явно не простой посол.

Откинувшись назад в тройном акробатическом сальто, Касс пружинисто приземлился и картинно развёл руками, вскинув голову к роскошной люстре. Она переливалась золотом. В стеклянных гранёных подвесках дробилось многоликое, искажённое отражение его лица.

Уродство в роскоши.

Обратным сальто Касс оказался в паре метров от гостя.

— Гость из дальних земель! — Он закружился вокруг кресла старика, принюхиваясь к нему, как гончая. — Я чую запах дорогого вина, заморских пряностей и... о-о-о...

Касс драматично прижал ладонь к груди и расширил глаза.

— И непреодолимой мужской силы!

Толпа нервно захихикала. Старик самодовольно приосанился, не чуя подвоха.

— Скажите, Ваша Светлость, — Касс наклонился к самому лицу гостя. — Это правда, что чем старше и суше ствол, тем хуже стреляет?

Смех в зале мгновенно стих.

— Главное, милорд, проследите, чтобы в первую брачную ночь с молодой женой из вас не посыпался песок вместо королевского семени! — рывкнул Касс и звонко, по-сумасшедшему расхохотался, отпрыгивая в сторону.

Король взорвался пьяным раскатистым гоготом и захлопал себя по колену. Гость поперхнулся и отвёл взгляд, прикрывая лицо рукой.

— Вот Касс, вот сукин сын! — Монарх утирал выступившие на глазах слезинки. — Напомни-ка мне, почему я ещё не велел отрубить твою башку и вздёрнуть тебя на площади?

— Вам будет слишком скучно, мой король, — спокойно ответил Касс, методично поправляя перчатки. — Кто, как не

я, так тонко понимает вашу израненную душу? — с придыханием протянул он.

Король глухо хмыкнул и посмотрел на него исподлобья, совершенно не скрывая враждебности. Это существо могло раздавить Касса в любую секунду.

Король и шут — не ровня.

— Балаболов в этом королевстве и так навалом.

— Вы — первый из них, сир, — пролепетал Касс поразительно невинно и благоговейно.

Король никогда не покажет истинной злобы на публике. Никогда не упадёт лицом в помойную лужу. Он лишь скрипит губы в натянутой улыбке, молча проглатывая всё то дерьмо, которое Касс имеет законное право на него вылить.

— Чёрт с тобой, — хрипло рассмеялся правитель. — Сегодня будешь жить. Ты меня забавляешь.

Он скинул кубок, салютуя Кассу, но взгляд короля ясно обещал: шкуру с него ещё спустят.

Касс грациозно поклонился в реверансе, сдёрнул с головы колпак и ринулся прочь, растворяясь в тёмном углу зала.

В тени дышать стало легче, но ненамного. Звон в ушах от бешеного пульса перекрывал визгливую музыку скрипок. Касс вжался спиной в сырую кладку ниши и стиснул снятый колпак; бубенцы впились в ладонь.

Только бы не зазвенели. Только бы не выдали животную дрожь, которая колотила его после каждого такого представления на грани смерти.

Смерть дышала ему в затылок перегаром короля.

Но прямо сейчас его волновало другое.

Касс поднял голову и принялся высматривать её в толпе.

У трона принцессы больше не было.

Он скользнул вдоль тяжёлых портьер и нырнул в узкий, плохо освещённый коридор для прислуги.

Она стояла у окна в самом конце галереи.

Спряталась.

От него ей не скрыться.

Кассу казалось, что он узнал бы её присутствие сквозь толщу глухих стен и толпы людей.

Стоит, ждёт?

Покорная принцесса. Будущая королева мёртвых земель и его кровоточащая страсть.

Его личная болезнь.

Бледный свет, пробиваясь сквозь мутное стекло, падал на её лицо. Чёрное тяжёлое бархатное платье подчёркивало синеву под глазами. Она была измучена так же, как и он. Выпотрошена изнутри, загнана в угол сворой напыщенных господ, жаждущих урвать кусок её молодости.

Касс замер в тени.

Он ненавидел себя за то, куда всегда скользили глаза в первую очередь. За то, как лихорадочно скручивало нутро, когда он смотрел на её пышную грудь. На бледные искусанные губы, которые хотелось жёстко смять пальцами.

Но стоило поднять взгляд выше, как он разбивался о

грусть в её глазах.

Отдать бы всё.

Всё, чего у него никогда не было, лишь бы она хотя бы раз искренне улыбнулась. Сломалась, рухнула в его объятия и позволила закрыть её собой.

Но что может отдать тот, у кого за душой ничего?

Касс сделал шаг вперёд, намеренно перекрывая ей путь. Каролина обернулась на звук. В серых глазах застыл холод.

Он ухмыльнулся, выходя из тени к ней.

Ему бы развернуться. Уйти. Вернуться на кухню, смыть тяжесть с лица и забиться в солому до утра, пока безумие не отступит.

Но вместо этого Касс шаг за шагом сокращал расстояние. Он остановился в полуметре от неё.

— Прячетесь от Его Величества, моя принцесса? — спросил Касс, намеренно понизив голос до бархатного шёпота.

— Твоё место там.

Она указала тонким пальцем на арку.

Предлагала выметаться отсюда к чёрту?

Неприступная маленькая дрянь, которая скоро получит по заслугам за своё отвратительное поведение. Но ведь королевским особам всё простительно.

Не так ли?

— Моё место там, где скажет король. — Касс шагнул ещё ближе и упёрся ладонью в стену возле её лица. Вторая рука легла с другой стороны. — А король сказал мне забавлять

его гостей и двор.

— Отойди.

Каролина вскинула подбородок, но не попыталась вырваться. Она тяжело дышала; между ними оставались считанные сантиметры.

Касс склонил голову набок, разглядывая её.

Без колпака он меньше всего походил на дурака.

— Вы так красиво краснеете, когда злитесь, — прошептал он, подаваясь вперёд.

Расстояние между их лицами сократилось, и Касс вдохнул её сливочно-сладкий запах, мгновенно опьянев.

— А лорд Арик, говорят, любит бледных. Тех, кто покорно лежит на спине и не смеет открыть рот. Вернее, открывает его только в одном случае.

Он раскатисто рассмеялся.

Пощёчина обожгла скулу. Кольцо на её пальце рассекло кожу под глазом.

Касс медленно повернул голову обратно. На губах расцвела широкая улыбка. Голова закружилась от вспышки чувств и сдерживаемого желания хлестнуть её по заднице.

— Вот оно. — Он слизнул кровь с уголка губ, не сводя с неё глаз. — Бейте ещё, Ваше Высочество. Только не молчите.

Каролина смотрела на него, прищурившись. Касс тонул под гнётом её взгляда.

Она искала его душу? Пыталась высмотреть остатки человечности или просто понять, что за тварь перед ней?

Но там ничего не было.

Шут. Дурак.

— Ты слишком много на себя берёшь, — фыркнула она с неприязнью.

— Я беру только девиц с королевской кровью, — ухмыльнулся Касс.

Он подался вперёд и коснулся кончиком носа её носа. За это его должны были четвертовать на рассвете.

Одно касание. Одно тяжёлое дыхание на двоих. Один отравленный воздух.

Она замерла, глядя прямо ему в глаза. Касс смотрел в ответ.

Он видел весь проклятый белый свет. Видел свою стёртую одинокую жизнь. И отчётливо видел её обречённую смерть в потных руках ублюдка, которому король уже выгодно её продал.

Между ними ровным счётом ничего.

Ни единого слова о чувствах. Ни робкого намёка. Ни глотка надежды.

И всё же их тянуло друг к другу так, что отвратительно ломило кости. Касс каждой клеткой ощущал свою собачью покорность перед девчонкой.

Верная псина, готовая перегрызть глотку любому, кто к ней прикоснётся, но покорно ждущая удара сапогом.

Лежать в грязи у её ног — величайшая честь. Смотреть в её глаза, задыхаясь от невозможности коснуться губ, —

изошрённая мука. Ловить надменную ложь в каждом взгляде, точно зная, что прямо сейчас её пульс мечется из-за его близости, — болезненное наслаждение.

Она с силой оттолкнула его. Резко и отчаянно.

Пальцы Касса успели поймать её за запястья. Прохладные и тонкие. Под кожей прощупывались хрупкие косточки. Одно движение — и они сломаются в его руках.

От желания причинить ей боль, искалечить, присвоить себе, оставить на коже уродливые синяки потемнело в глазах. Он желал её до тошноты и крика, разрывающего связки.

Каролина вырвалась. Дёрнула руки на себя, будто прикоснулась к прокажённому, к гниющей падали, и тут же брезгливо вытерла ладони о чёрный бархат подола.

— Отрубить твою голову ничего не стоит, — прошептала принцесса. Голос сорвался от ненависти.

— Тогда почему же вы до сих пор этого не сделали, Ваше Высочество? — усмехнулся Касс.

Он склонил голову набок.

Поставил в тупик.

Она не убьёт. Ей не хватит духу оборвать его жалкую жизнь. И на вопрос она не ответит — никогда не отвечала.

Касс не отрывал взгляда от её плотно сжатых губ.

О чём она думает прямо сейчас? Чего хочет? Почему её так колотит рядом с ним?

Ну же, давай!

Ударь. Разбей ему лицо в кровь, чтобы он захлебнулся.

Отвесь ещё одну пощёчину, прикажи страже высечь плетью до костей. Сделай хоть что-нибудь, только не уходи.

Только не оставляй его снова гнить одного.

Каролина напоследок прожгла его злым взглядом, резко развернулась и ушла. Каблуки торопливо зацокали по каменному полу.

Касс привалился затылком к сырой стене.

Её пульс...

Он всё ещё чувствовал бешеный ритм на кончиках грязных пальцев.

Что же они делают друг с другом...

Шут. Он же дурак. Ничтожество, наспех слепленное из чужих объедков. Безликая пустышка для битья, чьё единственное право в этом мире — скалить зубы, кривляться и омерзительно звенеть бубенцами на потеху королевским свиньям.

Так почему, во имя всех Святых, он посмел чувствовать?

Касс сжал пальцы в кулак, впиваясь короткими ногтями в ладонь. С размаху ударил по сырой каменной кладке.

Хрустнуло.

Костяшки вспыхнули болью. Она прострелила руку до плеча, и Касс судорожно выдохнул сквозь стиснутые зубы. Тёмные капли крови мазнули по серому камню.

Невыносимо.

Ему нужно было убраться отсюда. Немедленно.

Шатаясь, словно пьяный, Касс спустился по крутой вин-

товой лестнице на самый нижний уровень замка.

На королевскую кухню.

Он тяжело осел на деревянную скамью у огромного очага, пряча разбитые костяшки в складках пёстрого камзола.

— Касс, ты? — раздался над ним густой рокочущий бас.

Он поднял голову.

Перед ним возвышался Калёб. Королевский повар больше походил на гладиатора или палача, чем на кулинара. Огромный, почти двухметровый мужик с руками толщиной в брёвна рубил здоровенным тесаком свиные рёбра.

Для Касса всегда оставалось загадкой, как тот мог так виртуозно создавать сладкие меренги и сложнейшие мясные рулеты для королевских пиров. Они дружили давно — насколько «давно» вообще могло существовать в его стёртой памяти.

— Угостишь вином, здоровяк? — хрипло попросил Касс, закусив губу.

Калёб молча отложил тесак. Огромной ручищей схватил глиняный кувшин, плеснул на дно деревянной кружки мутной браги и с силой впечатал её в стол перед Кассом.

— Лицо у тебя такое, будто ты сам на этот тесак броситься хочешь, — буркнул повар, вытирая окровавленные руки о засаленный фартук.

Его тяжёлый взгляд остановился на сбитых костяшках Касса.

— Опять злишь короля?

— Я злюсь на себя, Калев. Только на себя.

Касс залпом выпил кислую брагу. Она обожгла горло.

— Скажи мне... Ты же здесь дольше, чем я. Кем я был до того, как мне натянули на голову этот колпак? Почему я ничего не помню?

Калев помрачнел и отвернулся к очагу, ковырнув угли длинной железной кочергой.

— Тебе повезло, что ты ничего не помнишь, — глухо отозвался гигант, не глядя на него. — Некоторые вещи лучше не помнить, Касс.

Касс горько усмехнулся, оставил кружку и бесшумно выскользнул с кухни.

Он двинулся по узким тайным переходам, затянутым паутиной, которыми пользовалась только прислуга. Касс знал каждую щель в стенах этого замка. Каждую крысиную нору.

Он пробрался к малому залу и замер, вжавшись спиной в пыльную стену. Сквозь плотную ткань портьер пробивался тусклый свет канделябров.

Касс осторожно отодвинул край бархата.

Каролина была там.

Одна.

Она скинула туфли и сидела на краю софы, подтянув колени к груди. Без прямой спины, надменного взгляда и холодной маски принцессы.

Бесконечно одинокая.

Касс задержал дыхание.

Она не знала, что он стоит совсем рядом. Не пыталась уколоть его словом, не смотрела с брезгливостью, не грозила отсечь голову. Просто сидела, уронив подбородок на колени, и казалась такой же потерянной, каким он чувствовал себя каждый раз, когда пытался заглянуть в собственное прошлое.

От этого зрелища внутри становилось хуже.

Каролина была другой. Единственной среди придворных, кто не пытался казаться чище, чем был. Благородная дворцовая шваль старательно и трусливо прятала своё смердящее дерьмо, а она не играла в святую.

Она была такой же безнадёжно грязной, как и он сам.

Два искалеченных чудовища, узнавших друг друга без слов.

Касс мог войти. Мог снова вывести её из себя, заставить вскочить, ударить его или позвать стражу. Всё было бы лучше этой тихой обречённости.

Но он остался за портьерой.

Стоило ему приблизиться, и она вновь натянула бы свою маску. Расправила плечи. Подняла подбородок. Посмотрела на него так, словно он был грязью под её туфлями.

Касс слишком хорошо знал, каково это — прятать себя под чужим лицом.

И он, дурак, был готов перегрызть всю королевскую свиту, лишь бы однажды ей больше не пришлось притворяться.

Дурак шагает к краю обрыва. Преданно виляет хвостом,

весел и восхитительно глуп.

По крайней мере, именно так они все думают.

На дурака легко свалить любое дерьмо. В него можно плевать, вытирать о его пёстрые тряпки жирные руки, пинать в рёбра ради пьяной потехи.

От дурака ведь нечего ожидать.

Он же дурак. Слюнявый, переломанный ублюдок без гордости, прошлого и имени.

Касс медленно сполз по стене за портьерой. Сбитые косяшки пульсировали, но боль уже почти не ощущалась. Он запрокинул голову и глухо рассмеялся, глядя в каменный потолок.

Дураки умнее всех.

Глупцы позабыли эту древнюю мудрость.

Что ж.

Кассиэль напомним им, когда шагнёт в бездну и, хохоча, утянет за собой всю Эстерию вместе с королевской дочерью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.